

/П. Петербург, 1847.IV.I3.

С.Петербург, 1/13 апреля 1847.

Дорогой Жак,

Твое последнее письмо от 12 февраля застало меня уже в приготовлениях к болезни... Наконец я получил I-й том твоих математических Трудов ¹⁾ и не только сам прочел, но и много раз читал вслух посвящение. Оно выдержано в настоящем лапидарном стиле. Однаю королю ты прямо-таки приставил меч к груди. Поскольку в Пруссии нет номинально титула маркиза, королю остается только дать тебе голос в следующем ландтаге и сопроводить его помещьем в Силезии или в Познани. В Силезии было бы лучше. В самом деле, это посвящение очень внушительно и чрезвычайно мне понравилось, больше, чем содержание, которое было для меня гораздо менее занимательно и не могло бы заменить мне 10000 томов романов, которые я прочел за время своей болезни. Трудно даже представить себе, как много есть плохих книг.

После того как начало этого года принесло мне чин, ²⁾ орден ³⁾ и оспу, со мной случилось еще нечто весьма приятное. Ты знаешь, что до сих пор я был экстраординарным академиком ⁴⁾ и мог-бы получить место ординарного лишь в случае, если бы открылась вакансия в математическом или физическом Отделении. Такой вакансии уже долгое время не было, но освободилось содержание ординарного академика благодаря тому, что Г.Ф.Гамель, ⁵⁾ который в сущности технолог, получал оплату из Государственного казначейства. ^{Масло} после того, как Фусс /получил/ согласие министра, который очень охотно пошел навстречу, Гессе, ⁶⁾ Ленц и Купфер сделали заявление в

Отделение, прося предоставить мне вакансию на технической химии. Голосование, произведенное в следующем заседании Отделения, было в мою пользу единогласно, а голосование в общем заседании всех Отделений было 25+ и 2-. Дело однако было довольно опасное, ибо на это место претендовал Фритцше.⁷⁾ Но и ему, и всем остальным, внушавшим мне сомнение, я пригрозил смертью, если бы они вздумали положить мне черные шары. Это событие, счастливым исходом которого я очень много обязан Фуссу, в высшей степени приятно для меня и увеличивает, кстати, мои доходы на 500-600 р. сер. Дело решилось бы уже раньше, если-бы Гесс, содействие которого было совершенно необходимо, не был в очень нятянутых отношениях с Фуссом и не стоял к нему всегда в оппозиции *par principe* /из принципа/. Но я хорош с обоими, и всегда говорил с обоими очень примирительно. Полное примирение и понимание состоялось незадолго до этого.

Теперь, после того как я сообщил тебе кое что о секретах нашей Академии, я хочу сделать тебе основательные упреки, что ты держишь меня на полном сухоядении. Мне уж так и хотелось сообщить тебе из газет то, что ты, содрогаясь, пережил сам.⁸⁾ В прошлом году,⁹⁾ когда я был в Берлине, я издала мог узнать Раумера не по лицу, а по вялости его речи. Втечении 36 лет поощряемая посредственность, которая мне опротивела, еще когда я был студентом. По моему, это все в сущности общественная невоспитанность, ибо полагается не говорить гостю в лицо скрытые или явные грубости.¹⁰⁾ Если бы вы, например, знали, что в Академию придет англ. или франц. посланник, и кто либо *ex officio* /специально/ произнес-

бы речь, где ругал-бы англичан или французов! Между тем Раумер в своей речи имел, повидимому, тайное намерение занять место придворного демагога, до сих пор неотъемлемо принадлежавшее Ферстеру.^{II)} В общем все-же в честь Раумера давали парадные обеды и собирали ему на почетные кубки.

Ты в своих письмах очень уж сдержан, и я убедительно прошу тебя написать мне побольше всяческого, о чем нельзя прочесть в газетах, в частности о ландтаге. Не беспокойся, о прусских делах ты можешь писать мне что угодно, не компрометируя ни себя, ни меня.

Твой сердечно тебя любящий брат Мориц.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1) Появившийся в 1846 г. т. I *Opuscula mathematica*, 2-й том которых издал Дирихле в 1851 г. после смерти Якоби, а 3-й Борхардт в 1871. См. также стр. 60, строка 2 снизу /письмо XX, где К.Г.Я.Якоби пишет брату: "Я уже не говорю о многих отдельных статьях, которые у меня почти готовы, и которые могут составить отдельный том под заглавием *Opuscula Analytica*"/. - Посвящение, упоминаемое в этом письме и во многих позднейших, напечатано в Приложении I к этой книге.

2) См. конец письма XIII /2 XII 1846 ст.ст./ стр. 140.

3) См. начало письма VI, стр. 147, и примеч. I, стр. 148. /К.Г.Я.Якоби пишет брату: "Ты позволишь мне поздравить

тебя с твоей 2-й Анной, которую носят на шее, собственно даже не тебя, а государство, которое умеет оценивать заслуги". Орден был дан М.Г.Якоби 8 дек. 1846, согласно ~~по~~ служному списку/.

4) Ср. стр. 67, прим. 12, где в качестве официальной даты избрания М.Г.Якоби в ординарные академики приведено 5 июня 1847.

5) Гамель, Иосиф, род. 1788 в Саренте, + 1862 в Лондоне, с 1829 орд.академик по технологии и прикладной химии.

6) Гесс, Герм.Генр., 1802-1850, с 1834 орд.академик по химии.

7) Фритцше, Карл Юлий, 1808-1871, с 1838 адъюнкт, с 1844 экстраорд., с 1852 орд.академик по химии.

8) *Ersparen Sie's, uns aus dem Zeitungsblatt
Zu melden, was wir schaudernd selbst erlebt'*

Валленштейн Квестенбергу

" *Die Piccolomini* " 2-е изд., 7

/ "Избавьте ~~нас~~ от ~~того~~ ~~чтобы~~ сообщать нам из газетного листка то, что мы, ~~сдурогаясь~~, пережили сами" /.

9) 1845; ср. стр. 127, примеч. 4, и стр. 129. /В 1845 Аннет Якоби была несколько месяцев в Берлине, и М.Г. Якоби за ней туда заезжал/.

10) Об этом обстоятельстве, о котором в то время много писалось в газетах, см. Гарнак стр. 704, где впервые было дано изложение всего происшествия по источникам. Здесь мы вкратце укажем лишь следующее: Раумер, в качестве секре-

тара Академии, произнес 28 января 1847 г., в день Фридриха, похвальную речь в честь великого короля /см. *Vermischte Schriften* Фр. Раумера, т. I, / *Nach.* 1852/, стр. 77-82/, в которой он защищал его от нападков со стороны теологов. При этом Раумер сам перешел к нападкам на теологию и употребил выражения, мало приличествовавшие как теме речи, так и месту, где она была произнесена; но главное, многие места речи заключали несомненные намеки на религиозную политику Фридриха Вильгельма, противоположную политике Фридриха Великого. "В присутствии монарха", пишет Гарнак /стр. 707/, "распространяться об обязанностях и позиции короля по отношению к большим духовным вопросам было бестактно и дерзко... Правда, конец речи могло известной степени умиротворить короля, и так бы оно вероятно и было, если бы в особенно сильных местах публика громко не смеялась за спиной монарха. Глубоко оскорбленный, он, выходя, заметил Гумбольдту: "Приходится слышать, что смеются над вещами, над которыми надо плакать". Министру Эйхгорну он написал, что в последний раз приходил в Академию на такие "шуточки". Вся Академия была возмущена: она не затем пригласила короля, чтобы наставлять его в принципах управления".

II) Фридрих-Кристоф Ферстер, 1791-1868, поэт, друг Теод. Кернера и его товарищ по Лютцовскому корпусу, позднее хранитель Берлинской Кунсткамеры; несмотря на более свободолюбивые взгляды, сложившиеся под влиянием Гегеля, часто писал при прусском дворе стихотворения на различные случаи, и потому его нередко называли "королевским придворным демагогом".

Briefwechsel, 148-151.